

"Боже, что за жуткое оружие," - сказал Альфред Харрингтон, глядя на нейробластер на лабораторном столе. Он почувствовал волну привычной тошноты и был немного удивлен, что его рука не дрожала, когда он протянул ее, чтобы прикоснуться к нему.

"Это так," - согласилась Пенелопа Муо-чи. Она стояла в паре метров от стола со скрещенными перед собой руками, и ее лицо было мрачным.

"Я никогда не понимал, зачем вообще разработали эту чертову штуку, доктор," - признался Альфред. Он перевернул бластер и с чувством облегчения заметил, что в нем нет блока питания. "Он достаточно эффективен против небронированных противников, как оружие ближнего боя, но боевая броня останавливает его, а на расстоянии семидесяти пяти или ста метров оно начинает быстро терять эффективность даже против небронированных целей. За сто пятьдесят с таким же успехом можно светить в кого-нибудь фонариком!"

"Согласна." Муо-чи склонила голову. "Вы сказали, что видели, что один из них сделал. Могу я спросить, где?"

"Я... не могу сказать," - ответил Альфред. Он посмотрел на нее. "Извините. Я не могу говорить об этом."

"Понимаю." Муо-чи посмотрела на него на мгновение, ее ноздри раздувались. "Но рискну предположить," - сказала она. "Готова поспорить, что он не был в руках регулярных вооруженных сил, не так ли?"

"Нет, не был." Альфред нахмурился, а Муо-чи хрипло усмехнулась.

"Конечно нет, и не только потому, что это запрещено Денебскими соглашениями. Как вы только что сказали, он не очень эффективен на расстоянии. Хотя с близкой дистанции эффективен. Тот, кого он не убьет наповал, наверняка станет недееспособным, и - какой термин вы, люди в форме, используете? "Небоееспособен", не так ли?"

"Да." Голос Альфреда был спокоен, и Муо-чи быстро покачала головой.

"Я не критикую вас, Альфред," - сказала она почти мягко. "Или кого-то из ваших людей. Но каким бы смертоносным ни был бластер на близком расстоянии для небронированных противников, он намного менее... гибок, чем старомодная штурмовая винтовка с химическим источником энергии, тем более импульсная винтовка или трехствольник."

"У варианта, обслуживаемого группой из нескольких человек, большая дальность действия," - мрачно сказал Альфред. "Я видел, как один из них убил кого-то с трехсот метров. Но вы правы - пока вы сможете подойти с ним на такую дальность с энергетической сигнатурой, которую и слепой не пропустит, в два раза меньший тяжелый трехствольник убьет пехотинца в боевой броне на расстоянии, в десять раз больше. Вот почему я никогда не мог понять, почему кто-то продолжал разрабатывать его достаточно долго, чтобы превратить в практическое оружие ближнего боя."

"Потому, что изначально он вообще не был разработан как оружие." Голос Муо-чи был таким же мрачным, как и у Альфреда. Он удивленно поднял глаза от нейробластера, и она покачала головой. "Он был разработан из чего-то, что называлось нейрохлыстом... на Мезе." Глаза Альфреда сузились, и она кивнула. "Рабсилой. У меня тут есть одна из этих проклятых штуковин, и я покажу вам свои заметки об истории ее развития позже, но в основном им нужен был эффективный инструмент поддержания дисциплины, и они его получили. После того, как они поняли, насколько он эффективен в этой роли, они начали думать, как он будет

работать как дальнобойное оружие для "сдерживания толпы". Она невесело оскалилась. "Дайте каждому рабу одну или две дозы хлыста, а затем убейте пару из них на глазах у остальных с помощью бластера. Некоторые формы смерти хуже других, и я полагаю, что немало людей, готовых рискнуть против дротика пульсера или виброрезвья, подумают два или три раза, прежде чем бросить вызов нейробластеру. Особенно зная, что он не сфокусирован и все в пределах десяти или двенадцати метров от них пострадают точно так же, как и они."

Челюсти Альфреда сильно сжались, когда кусочки информации встали на свои места. Клематис снова плавал в глубине его разума, уродливый от дыма и криков... и понимания.

Она права, сказал ему тихий голос. Она совершенно права насчет реакции людей. Если бы я знал, догадывался, что они нас ждали с этими проклятыми штуками, я бы никогда...

Он безжалостно отсек эту мысль. Это было тяжело, но он справился и глубоко вздохнул, наполнил легкие кислородом. И если эта мерзость действительно была продуктом Рабсилы и ее генетических работорговцев, найти их на Клематисе имело смысл.

"Могу я спросить, зачем вы держите здесь эту штуку, доктор?" - сказал он, касаясь бластера пальцем.

"По той же причине, что я держу этот хлыст запертым в сейфе - чтобы напомнить себе, что я ненавижу, Альфред." Она подошла ближе, не расцепляя рук, и посмотрела на него. "Мега похожа на темного близнеца Беовульфа. Это почти как если бы они решили сознательно превратить себя в нашу полярную противоположность всеми возможными способами. И, черт возьми, мы обнаруживаем, что делаем то же самое в их отношении. Полагаю, я виновата в этом не меньше, чем любая другая женщина, но глубоко внутри я знаю, что это придумал мезанский невролог. Я действительно могу узнать нейростимулятор, который они взяли за основу, и который был сделан на Беовульфе. Вот почему я так долго искала способ обратить вспять или исправить ущерб, который он наносит, и держу это здесь, чтобы напоминать мне о том, что я ненавижу." Она подняла глаза, встретившись взглядом с Альфредом. "Так что не думайте, что я не понимаю, о чем вы не можете говорить. Я также могла бы признать, что искала помощника, достаточно сумасшедшего, чтобы присоединиться к моим усилиям в течение долгого времени. Добро пожаловать на борт, Безумный Ал."

* * *

Аллисон Чоу сидела в кондиционированной беседке на квадратной площади УИЗ, ее глаза теоретически были сфокусированы на дисплее компьютера. Однако практика несколько отличалась от теории. Фактически, ее глаза вообще ни на чем не были сфокусированы, а ее мысли были совершенно в другом месте.

Прошло три недели с тех пор, как она обедала с братом, и она была не ближе к решению, что делать, чем когда закончила десерт. Это было не похоже на нее. На самом деле она не была легкомысленной, безрассудной и импульсивной личностью, в чем ее иногда обвиняли родители, но она редко колебалась и не тратила много времени на повторные размышления. Она доверяла своим инстинктам и практически никогда не сомневалась, хотя временами могла и ошибаться.

Но определенно не сейчас.

Вспышка космически-черного с золотом мелькнула в углу ее несфокусированного зрения. Она быстро подняла глаза, и ее губы сжались. У нее было больше, чем несколько связей и по крайней мере две настоящие страсти, но она никогда не чувствовала ничего похожего на то,

что чувствовала, наблюдая за высокой атлетической фигурой лейтенанта Харрингтона, шагающей по площади. Он двигался так плавно, так уверенно, и ее ноздри раздувались, как будто она чувствовала какой-то неуловимый аромат. Но это был не запах - она чувствовала, что впервые в своей бесстрашной жизни она по-настоящему испугалась другого человека.

Нет, будь честной, сказала она себе. Ты боишься не его - ты боишься того, что ты чувствуешь, потому что не понимаешь этого.

И это было правдой.

Она никогда не чувствовала такого сильного влечения к мужчине или любому другому человеку. Даже сейчас, когда он находился на расстоянии не менее шестидесяти метров и даже не глядел в ее сторону, она чувствовала то самое мягкое, теплое мурлыканье глубоко внутри. Это было не просто сексуальное влечение, хотя одновременно это было одно из самых эротических чувств, которые она когда-либо испытывала, и это не было признанием мужской красоты или трепетом перед его блестящим интеллектом. Он не был таким уж красивым, и хотя она знала, что он вполне может быть блестящим, она даже не говорила с ним, так что у него, конечно, не было особой возможности произвести на нее впечатление своими интеллектуальными достижениями! Это было просто... приятно, хотя это было до смешного анемичное слово для того, что она чувствовала. Как будто она нашла что-то, о чем не подозревала, что потеряла, встретила старого друга, о котором никогда не знала. Как будто она наконец-то обнаружила что-то, что ей нужно, чтобы стать совершенной. Одной интенсивности чувства, несмотря на всю его теплоту и мягкость, было почти достаточно, чтобы напугать ее. Она размышляла, сколько из этого она воображает, сколько фантазирует и как долго может выдержать что-то столь эфемерное, столь непостижимое для нее самой.

Но это было не единственное чувство, и это ее по-настоящему напугало. Была эта тьма, это чувство боли, как обещание страдания - или гнева - скрытое за горизонтом. Это было похоже на задумчивую тень, нависшую над всем остальным, и она не знала, что это было, откуда взялось и что это могло означать. Было ли это что-то исходящее от него, что-то внутри него, спрятанное под всем остальным, как яд в сердце какой-то восхитительной сладости? Или это было что-то внутри нее, что-то, чего она никогда не осознавала, что пробуждалось, когда он был рядом? Или какое-то предчувствие, какое-то подсознательное предупреждение, которое она посылала самой себе на основе подсказок, которые ее здравый ум еще не уловил? Было ли это вообще реально? Или что-то, что она просто воображала, как и все остальное? И какое право имел молодой человек, которого она даже не знала, представитель совершенно другой звездной нации, перевернуть ее спокойную, упорядоченную жизнь вверх ногами, даже не взглянув в ее сторону?

Она вздохнула, встряхнулась и снова заставила себя сосредоточиться на дисплее. Она отставала в обязательном чтении, и доктор МакЛейш не собирался принять "я мечтала о молодом человеке, которого даже не знаю" как оправдание.

* * *

Альфред Харрингтон даже не взглянул в сторону беседки, но знал, что она там. Он всегда знал, где она - или, по крайней мере, в каком направлении - и это его беспокоило. Это его очень беспокоило.

Он продолжал свой путь, не сбавляя шага, не колеблясь, не показывая, что он знал о ее присутствии, но все же казалось, что он чувствовал ее внутри своей кожи. Сила влечения была поразительной, и это пугало его, потому что он не мог этого объяснить.

Или это действительно потому, что ты думаешь, что действительно видел что-то подобное раньше?

Ерунда! Он фыркнул, отгоняя эту мысль, но она никуда не делась, как бы сильно он ни старался ее изгнать, потому что он вырос на Сфинксе и был Харрингтоном.

Может ты и Харрингтон, парень, но ты же, черт возьми, не древесный кот! И она тоже. И тебе вообще нечего думать так о женщине, которую ты даже не знаешь!

Все это было истиной... и ничего не делало с проблемой.

Он дошел до своего общежития, поднялся в гравелифте на свой этаж, вошел в свою квартиру и вышел на балкон. Взяв компактный электронный бинокль он посмотрел в него, и его рот сжался, когда он увидел, что она сидит в беседке и все еще изучает дисплей своего компьютера.

Он опустил бинокль, чувствуя себя так, словно стал кем-то вроде вуайериста, и упал в кресло. Наклонившись вперед, он уперся локтями в колени и потер лицо обеими руками, прежде чем выпрямиться и глубоко вдохнуть.

Это было нелепо. К сожалению, эта нелепость, похоже, не помешала этому случиться, и он понятия не имел, что с этим делать. В свое время его сильно влекло к нескольким женщинам, но никогда не было ничего, похожего на это. Никогда он не смотрел на человека с чувством, что тот должен быть его второй половинкой. Что без него он никогда не сможет быть целым. Это было похоже на какой-то невероятно сочный, напыщенно написанный, по-настоящему плохой любовный роман - такой, какие любила читать его сестра Кларисса, когда ей было тринадцать. "Его вторая половина"? Откуда у него такое чувство к кому-то, с кем он разговаривал ровно один раз в жизни? Он не верил в "любовь с первого взгляда", никогда не верил, и - твердо сказал он себе - не верит и сейчас. Чем бы это ни было, это была не любовь... даже если он вообще не имел ни малейшего представления, что это такое.

Не будь в этом так уверен, сказал тихий голос, который он изо всех сил старался не слушать. У тебя всегда были эти "предчувствия", не так ли? Ты всегда был очень доволен своей способностью "читать" других людей. За эти годы ты использовал его, чтобы выиграть немало игр в покер, не так ли? И твоя семья общалась с котами более трех Т-веков, не так ли? Что, если есть причина, по которой за эти годы котами было принято так много Харрингтонов? Что, если в тебе есть что-то "другое"?

Ерунда. Он умел улавливать намеки на языке тела и читать подсознательные подсказки, которые все выдавали! И, может быть, он обычно знал, когда кто-то в его отряде попадал в беду, нуждался в дружеской поддержке - или во внушении - чтобы вернуться на правильный путь. Это не означало, что у него было какое-то "экстрасенсорное чувство", и даже если оно у него было, она не была Харрингтон, или сфинксианкой, или даже мантикоркой!

И это, наконец признался он себе, было гигантской частью проблемы.

Он вздохнул и снова потер лицо. Его выражение было мрачным. Если бы он был... другой, если окажется, что у него были особые способности, какое право он имел использовать их на ком-то? Чувствовала ли она вообще что-нибудь к нему? Если и чувствовала, она определенно не показала этого. Но если она это чувствовала, то было ли это из-за того, что он что-то сделал - сделал с ней? Он не чувствовал себя злым волшебником, околдовывающим людей. Он не хотел быть им, и даже если она что-то чувствовала, он хотел бы, чтобы она чувствовала это к нему, а не к какой-то таинственной ауре, которую он мог излучать!

Он криво улыбнулся, осознав, насколько запутанной и извращенной была эта последняя мысль, но это не делало ее ложной или неуместной. И улыбка быстро исчезла, когда он подумал о другой ее стороне.

Он был порченным товаром. Он был не тем человеком, которым раньше считал себя, и иногда казалось, что пленка, скрывающая внутреннего монстра от остального мира, становилась тоньше и прозрачнее. Но Клематис показал ему чудовище. Вот почему он сбежал из Морской пехоты, подальше от сладкого соблазна убийства.

Он посмотрел на свои руки, как будто они принадлежали незнакомцу, и вспомнившийся горячий, отравляющий вкус крови снова запульсировал в нем. Это была болезнь, инфекция, и он ее боялся. Боялся больше, чем чего-либо в своей жизни. Человеку, в сердце которого спрятано это чудовище, нельзя было сближаться с другими, потому что он был отвратителен... и опасен.

Он снова вдохнул, затем встал со стула и направился на кухню. По крайней мере, с его метаболизмом можно искать утешение в еде, не становясь жертвой смертельного ожирения.

<http://tl.rulate.ru/book/53453/1353303>